6. О СЛОВЕ *янтарь*

В русском языке слово *янтарь* засвидетельствовано относительно поздно, хотя можно предполагать его раннее заимствование.

В «Дополнениях к Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского [1] приведена одна цитата на *ентарь* из Описи Николо-Корельского монастыря 1551 г. Картотека Древнерусского словаря АН СССР содержит документацию слова *янтарь* с середины XVI в., а слова *янтарный* — с конца XVI в. Приведу некоторые материалы.

Первая документация в грамоте 1551 г. из собр. П. М. Строева [2] совпадает с указанием И. И. Срезневского: «...два сукна свиточных да *ентарю* пять гривенок...»

Затем в Ревельском собрании актов [3], в грамоте XVI в.: «Да купил бы ты большего *енътарю*. А здеся гривенку купять по 7 алтын».

К концу XVI в. надо отнести и упоминание о янтаре в Торговой книге: «...мастика бѣлая аки *ентарь* бѣлой» [4].

Чаще встречается это слово в источниках XVII в. и позже: «Сентября въ 21 день у Ярославца у Констянтина... куплено фунтъ *ентарю*, шесть алтын четыре денги дано» [5].

«В том море (у берегов Прусской земли) находят множество *янтарю*, тот камень к болѣзни очной угоденъ» [6].

«Въ едином... княжествѣ Прускомъ токмо камень *янтарь* обрѣтается» [7]. «Тут же родится и *ентарь* желтой... о которомъ говорятъ онѣ, яко родится от мозгу старыя сосны» [8].

Федор Поликарпов включил слово *янтарь* в свой Лексикон Треязычный 1704 г., что свидетельствует об употребительности этого слова в литературном языке начала XVIII в.

---

[1] *Срезневский И. И.* Дополнения к Материалам для словаря древнерусского языка. Т. III, с. 102.

[2] Архив П. М. Строева. Т. I, с. 334.— «Русская историч. б-ка». Т. 32. СПб., 1915.

[3] См.: Русские акты Ревельского городского архива. Т. I, с. 84. Изд. под ред. А. Барсукова.— «Русская историч. б-ка». Т. 15. СПб., 1894.

[4] Рукоп. Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, а. IX, № 52, л. 18.

[5] Книга расходная Холмогорского архиерейского дома, № 107, л. 24, сл., 1694—1695 гг.

[6] Книга глаголемая Космография. Между 1655 и 1667 гг., список 1670 г. Изд. О-ва любителей древней письменности. СПб., 1878—1881, с. 262.

[7] Письма и бумаги Петра Великого. Т. I (1688—1701). СПб., 1887, с. 160.

[8] Описание книги сея государства китайского или хинского. Рукоп. 1731 г.— «Библиотека Смоленского пед. ин-та», № 124 (3) Б, л. 75 об. Ср. еще:

1) Приходо-расходные книги Московских приказов. Т. I, с. 192 (1614—1619 гг.).— «Русская историч. б-ка». Т. 28.

2) Травник (Лечебник), перев. Николая Любчанина, 1534 г. Рукоп. XVII в. Собр. Уварова, № 2192, л. 386.

3) *Симони П. К.* К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца...— В кн.: Памятники древней письменности и искусства, № 161. СПб., 1906, с. 103.

Приведенные данные ясно указывают на то, что в Московской Руси янтарь, как импортный дорогой товар, получали из Прибалтики. Сведения о китайском янтаре только расширяли представления русских людей о происхождении этого дорогого материала для украшений и ценной утвари [1].

Отсутствие этого слова в записях Ричарда Джемса 1618 г. и французских купцов (1586 г.) в Холмогорах [2] — Архангельске подтверждает предположение, что в XVI—XVII вв. на Руси знали только балтийский янтарь.

«Словарь Академии Российской...» в своем энциклопедическом определении дает указание: «его находят на берегах северо-западных Балтийского моря и на берегах Северного океана» [3].

Русские средневековые материалы свидетельствуют о том, что первоначальная форма слова *ентарь* лишь во второй половине XVII в. книжниками была «гипернормализована» в *янтарь* так же, как старое *ендова* (из лит. indaujà) в *яндова* [4] в силу того, что древнее *я* в неударяемом слоге произносилось как *е*, и написание этимологически неясного слова было «выправлено» книжниками по соотношению: произносим *ейцо*, *ечмень* — писать надо *яйцо*, *ячмень* (ср. еще колебания в памятниках XVII в.: *емьчуга* — *ямчуга*, *есаул*— *ясаул*, *ертоул* — *яртаул*, *епонча* — *японча*).

Наличие *н* в слове *ентарь* указывает на то, что заимствование этого слова в восточнославянские диалекты не могло произойти ранее X в., иначе мы имели бы *ятарь*.

Предание о Прибалтике как родине янтаря, вероятно, имело влияние и на этимологические толкования его названия. Э. Бернекер писал, что это слово из русского перешло в украинский, чешский, словинский и сербскохорватский, а происходит из литовского gentãras, gintãras. Впрочем, он добавляет в конце: «темное слово» [5].

Догматически утверждает балтийское происхождение этого слова Ал. Брюкнер: «Славяне не имеют никакого своего названия для него, русское *янтарь* из литовского gentãras. Литва имеет два исконных названия, так как пруссы обитали с незапамятных времен над самым местом его рождения («гнездом»)» [6].

Однако Р. Траутман с полным основанием не поместил этимологии этого слова в своем «Балто-славянском словаре» 1923 г.

---

[1] Слово *янтарный* засвидетельствовано в таких обозначениях: шкатула *янтарная* (1674 г.); фляшка *ентарная* (XVII в.); чотки *ентарные* (конец XVII в.); часы боевые *ентарные* (XVII в.); суды (судки) *ентарные* (1669 г.); зеркало *ентарное* (1684 г.); *ентарная* мука (1682 г.); масло *ентарное* (1673 г.); *ентарный* камень (1534 г., сп. XVII в.).

[2] См.: *Ларин Б.А.* Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948, с. 182.

[3] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. VI. СПб., 1822, с. 1457.

[4] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III, с. 1659—XVI в.

[5] *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1914, S. 445.

[6] *Brückner Al.* Słownik etymołogiczny języka polskiego. Kraków, 1927, S. 50 — s. v. bursztyn.

В III томе академического Словаря литовского языка [1] первый вариант, gentãras, подтверждается только одной цитатой из журнальной статьи; следовательно, надо принять за основу сопоставлений именно второй вариант — gintãras, широко засвидетельствованный и в диалектах, и в литературном языке. (Ф. Куршат и К. Буга предлагают акцентировку gintãras, и ее приняли как норму авторы коллективного словаря: Нидерман, Брендер, Сенн [2].)

Ту же форму принял за исходную и Э. Френкель [3]. Он не объясняет происхождения слова, приводя только литовские, латышские формы и русское *янтарь*, упоминает об «очень неправдоподобном» объяснении Г. Петерссона [4], не излагая его. Последний вариант, видимо, и послужил источником русского *янтáрь* (с ударением на последнем слоге).

Наличие полной системы производных слов (приведу их ниже) свидетельствует о древности употребления этого слова в литовском [5]. Два отыменных глагола: 1) gintaráuti — 'собирать янтарь' и 2) gintarẽti — 'превращаться в янтарь'. Три отыменных прилагательных: 1) gintarìngas — 'богатый, обильный янтарем'; 2) gintarìnis — 'янтарный'; 3) gintarúotas — 'такой, в котором много янтаря'. Два существительных производных: 1) отглагольное gintarãvimas — 'добывание янтаря'; 2) отыменное gintariniñkas (вар. gintarniñkas) — 'мастер по обработке янтаря'.

Материал из древнепрусского языка недостаточен. Ни Э. Бернекер, ни Р. Траутман в своих сводах древнепрусских источников и словарных объяснениях к ним не приводят древнепрусских соответствий. В. Пирсон [6] приводит gentar без ссылки на источник, а это значит, что слово известно ему из современного диалекта в Эльбинге, как он объясняет на с. 3 своей книги. Слово gentar он объясняет как 'производитель огня', сопоставляя его с латинским genitor, что мало вероятно. Я. Эндзелин [7] вводит в свой словарик древнепрусского языка gentars, ссылаясь на Г. Нессельмана [8].

В исследовании Р. Траутмана о древнепрусских личных именах [9] приводятся имена: Gyntarre, Gintar, чередующиеся с Guntar; он объясняет это чередование указанием на соответствие лит. ginti, древнепрусс. guntwei [10].

---

[1] Lietuvių kalbos žodynas. T. III. Vilnius, 1956, p. 237—332.

[2] Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Litauisch.-Deutsch. Bearbeitet von Max Niedermann, F. Brender, A. Senn. Bd. I. A.—K. Heidelberg, 1932, S. 184.

[3] *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, Lfg. 2, S. 184.

[4] См.: *Petersson H.* Studien über die indogermanische Heteroklisie. Lund, 1922, S. 62 ff.

[5] См.: Lietuvių kalbos žodynas. T. III. Vilnius, 1956, p. 322, 323.

[6] См.: *Pierson W.* Altpreußischer Wörterschatz mit Erläuterungen. Berlin, 1875, S. 14.

[7] См.: *Endzelins J.* Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, p. 177.

[8] См.: *Nesselmann G.* Thesaurus linguae prussicae, 1873, p. 16.

[9] См.: *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925, S. 32.

[10] Там же, S. 159.

Латышские соответствия — dzītars и ставшее теперь нормой dziņtars [1], если принять объяснение Я. Эндзелина о происхождении варианта с носовым, тоже дают неопровержимое свидетельство древности этого названия в литовско-латышских диалектах — оно распространилось в них еще в дофеодальную эпоху, т. е. до XII в. н. э.

И все-таки мало оснований считать это слово исконно балтийским. Исходное слово giñtaras — dzītars не прозрачно морфологически, не имеет корневых и словообразовательных параллелей. Оно не объясняется ни на балтийской, ни на индоевропейской почве.

Уже в 1886 г. Ф. Миклошич в Этимологическом словаре славянских языков [2] сопоставил русское *янтарь* с венгерским gyantár — 'янтарь' (electrum) при gyanta — 'смола'. Сопоставление Миклошича превратил в этимологическое объяснение К. Локоч [3], а после него это повторили в Этимологическом словаре чешского языка [4] Й. Голуб и Ф. Копечны. Однако такой выдающийся венгерский славист, как Иштван Книежа [5], убедительно опровергает эту этимологическую импровизацию Локоча. Прежде всего, он приводит все древнейшие датированные формы исследуемого слова (я перегруппирую их в хронологическом порядке, опуская названия источников).

Формы gyenta и gyanta засвидетельствованы с 1519 г., gyonta с 1533 г., gyantár с 1539 г., gyentár с 1542 г., gyontár с 1598 г. (janto в 1875 г.). Этим словам в древнейших венгро-латинских словарях дается три значения: 1) 'янтарь' (1519, 1598 гг.); 2) 'сосновая смола' (1567, 1576 гг.) и 3) 'гипс, глазурь' (1542, 1576 гг.). Первое и третье значения устарели, современная форма gyanta употребляется

---

[1] *Endzelins J.* Latviešu valodas gramatika, § 83. Rigā, 1951, a. 171: «Однако такие формы, как dziņtars (наряду с подлинно латышским dzītars), где вместе с таутосиллабическим *n*, которое не восходит к *m*, видим *dz-* или *c-*, по-видимому, заимствованы из языка куршей; формы такого рода встречаются по большей части в Курляндии».

Ср. местные названия Dziņtare, Dziņtari, Dziņtara-māja, Dziņtar-ciems etc. (*Endzelins J.* Latvijas PSR vietvārdi. Rīgā, 1956, 259). У Г. Ф. Стендера (*Stender G. F.* Lettisches Lexicon. Mittau, 1789, B. III., S. 52) читаем: [dzinters-Bernstein, Krystall. L.] Прямые скобки указывают, что слово известно автору только по словарю Лангиуса. К. Мюленбах (*Mülenbach K.* Latviešu valodas vārdnīca. Rīgā, 1923—1946, VII, 559) к слову dzītars дает только литовскую параллель giñtaras и варианты dziņtars, zītars. Фольклорные цитаты к этому слову приведены в «Дополнениях...» Я. Эндзелина и Э. Гаузенберг (*Endzelins J., Hauzenberg E.* Papildinājumi un labojumi K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīcai, V, 362). Богатый материал дан в словаре К. Мюленбаха на слова dziņtars (VII, 552) zītars (XI V, 737).

[2] См.: *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, S. 99.

[3] См.: *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927, S. 80, s. v. 1004. Pers. Kāhrubā.

[4] См.: *Holub J., Kopečný Fr.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, s. 149.

[5] См.: *Kniezsa I.* A magyar nyelv szlav jövevényszavai. [Славянские заимствования в венгерском языке], I, 2, 1. 833. Budapest, 1955.

во втором значении. Надо заметить, что форма gyanta и под. может быть признана производной из формы gyenta и под. по фонетической закономерности уподобления гласных.

Этимологические соображения Книежа приведу здесь полностью:

«Несомненно связаны с этими (вышеприведенными венгерскими) словами лит. gentaras, gintaras, рус. *янтарь* (Срезневский этого слова не приводит) [1], укр. *янтарь*. Происхождение и взаимоотношение литовского и русского слов не выяснено. Одно ясно, что русское слово является поздним заимствованием, но вряд ли из литовского. Из литовского происходит среднелатинское gentarum.

По С. Дьярмати (*S. Gyarmathi*. Vocabularium in quo plurima hungaricis vocibus consona variavum linquarum collegit, S. G. Bétsben, 1816), Миклошичу («Славянские элементы в венгерском», 1871; Этимологический словарь, 1886) и Мункачи (в журн. «Этнография», 8 : 19) — венгерское слово является заимствованием из русского языка [мнение Мункачи, что слово заимствовано из русского до занятия родины (т. е. до 896 г.), нельзя считать серьезным, потому что тогда еще в русском языке не могло существовать данное слово и оно не могло бы иметь в то время вид *jant-*, ср. Ашбот (*Asbóth*. Nyelvtudományi Közlemények, 30 : 209)]. Если бы венгерское слово было русским заимствованием, то мы имели бы его в виде jantár, но такой формы нигде у нас нет.

Литовское происхождение слова в венгерском тоже невозможно, потому что венгры не соприкасались непосредственно с литовцами, а также и потому, что в этом случае сохранилось бы и начальное *g*, и окончание *-as*. Не вижу другого выхода, кроме предположения о посредничестве средневековой латыни, но и при этом предположении возникают затруднения. Что же касается мнения Мункачи (Keleti Szemle, 1911, 12 : 353), что gyanta происходит из тюркского, то см. Барци (*Bárczi*. Magyar Nyelv, 45 : 183); там же объяснение взаимоотношения разных венгерских форм)» [2].

Признаю неоспоримым утверждение Книежа о невозможности выводить венгерские слова из русского *янтарь*, хотя связь славянских, балтийских и венгерских слов между собой очевидна. Но считаю невероятным заимствование венгерским из средневековой латыни, прежде всего потому, что нормальным и основным обозначением янтаря в средневековой латыни было succinum (древнее sūcinum) [3], а кроме него употребительны были его синонимы: electrum (electrum flavum), glaesum (glēsum) от Тацита и Плиния, harpax и даже achates [4]. Gentarum, видимо, было областным термином в

---

[1] Как указано, слово *янтарь* помещено в «Дополнениях к Материалам для словаря...» И. И. Срезневского. См.: т. III, с. 102.

[2] Перевод Берецки Габора.

[3] См.: *Walde Al.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1906, S. 607.

[4] См: *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 7. Aufl. Straßburg, 1910, S. 48, s. v. Bernstein. Там указано, что Матезиус в 1562 г. ссылается на прусское название gentarn: отсюда и средневек. лат. gentarum.

средневековой латыни, употребительным в странах, близких к Прибалтике, так как было заимствованием из древнепрусского или другого балтийского языка, и в средневековую Венгрию попасть ему было нисколько не легче, чем прямо из литовского языка в венгерский, если уж признавать решающим фактором отсутствие непосредственного соседства народов. Нельзя упускать из виду, что если в других случаях это имеет некоторое значение, то здесь дело идет о названии товара, о слове из торговой номенклатуры, которая легко распространяется через многие границы стран, государств (народов, племен).

В поисках удовлетворительного решения вопроса о взаимоотношении и происхождении наименований янтаря в венгерском, балтийских и славянских языках нельзя упускать из виду того, что этим продуктом торговали по всей Европе и кое-где в Азии уже в эпоху позднего неолита и бронзы, задолго до феодальной эпохи, и не на местных маленьких «меновых» торжищах, а в масштабе международных, самых дальних торговых путей. Археологи четко наметили глубокую «доисторическую» перспективу янтарного торга.

Необходимо отправляться от более достоверных положений к гадательным, раз уж без них мы обойтись еще не можем.

Достоверно, что слово *ентарь* в русском заимствовано; что это единственное русское название окаменелой смолы (ископаемой или находимой в береговых морских намывах); что в белорусском его не находим; что в украинском оно встречается редко, как книжное слово, попавшее в украинский из русского; из русского же, видимо, попало это слово в чешский и болгарский — тоже книжным путем; что его фонетический состав не позволяет относить его проникновение в русский язык ранее X—XI вв.; что оно засвидетельствовано в русской письменности только с 1551 г.

Достоверно, что литовские формы giñtaras (gintãras) и gentãras не могут быть истолкованы морфологически и семантически на литовской почве; при наличии латышского dzītars и заимствованного у куршей dziñtars, а также ряда топонимических применений этого наименования в Латвии — эти слова литовского и латышского языка указывают на древность заимствования в балтийских языках (до XII в.).

Достоверно, что в венгерском оно имеет не один морфологический состав, как в русском и балтийских языках (при незначительных фонетических вариациях), а двоякий: gyenta (gyante, gyonta), gyentár (gyantár, gyontár).

Достоверно, что только в венгерском это слово (независимо от фонетических и морфологических вариаций) имеет три значения, два из которых ('сосновая смола'→'янтарь') представляются закономерно связанными, да и третье ('глазурь') может быть признано производным. Двоякий морфологический состав и три значения слова указывают на большую близость венгров к языку-первоисточнику, т. е. языку тех племен, которые сами добывали янтарь, были его поставщиками для дальних «гостей торговых» и лучше других

знали, что это такое, сравнительно с балтийскими и славянскими народами. Я могу понять связь значений 'сосновная смола' и 'янтарь' только на почве двуязычия (раз нельзя считать слова gyenta и gyentár исконно венгерскими), ибо здесь непосредственно отражено первичное наименование, самый акт познания предмета.

Достаточно сравнить названия янтаря других поясов, отражающие другие торговые пути, других посредников и удаленность от языка-первоисточника, чтобы оценить важность венгерских семантических данных для решения нашего вопроса.

Древнелатинское glēsum неоспоримо восходит к германскому (англосакс.) glæs (древневерхненем. glas — 'стекло' [1]). Позднейшее латинское succinum — sūcinum производят от sūcus — 'сок' на основе контаминации латинского слова со старославянским *сокъ* (лит. sakaĩ). Это образное 'соковик-камень' [2].

Греческое 'η 'ηλέκτρος το ήλεκτρον — 'янтарь' связано с 'ηλέκτωρ — 'солнце, огонь', следовательно, тоже образное название 'огневик' (ср. у Плиния о янтаре: Succus radiorum solis, т. е. 'сок лучей солнца').

Ту же внутреннюю форму имеет и немецкое Bernstein, нижненемецкое заимствование из более древнего Bornstein (от нижненемецкого bernen — brennen 'жечь'), т. е. 'горючий' (камень), 'огневик' [3].

От этого немецкого слова — польское bursztyn, белорусское *бруштын*, западноукраинское *бурштин* [4]. Отсюда же и указанные Линде [5] боснийское и хорватское burstin.

Далее от персидского kähruba — «янтарь» (сложное слово, букв. 'хватающий солому') происходят, как указал К. Локоч, турецкое kehribar, kihlibar (отсюда болгарское *кехлибар*, сербское *хилибар*, румынское chihlibar и т. д.), а также переводные кальки: фр. tire — paille, нем. Strohzieher [6].

---

[1] *Walde Al.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1906, S. 268.

[2] Ibid.

[3] *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 7. Aufl. Straßburg, S. 48 ff.

[4] *Гринченко Б.* Словарь украинского языка. Т. I, с. 115, с ссылкой только на Е. Желеховского.

[5] См.: *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. T. I. Lwów, 1854, s. 200.

[6] Весьма показательным как отражение связи Востока и Запада в «познании вещей» — именно на основе международной торговли средних веков и античности мне представляется свидетельство о проникновении юго-восточных представлений о янтаре на далекий северо-запад. В словаре Григория Кнапского (Thesaurus polono-latino-graecus... opera Gregorii Cnapii, Cracoviae, anno 1621, p. 53) читаем такое объяснение названия bursztyn — 'янтарь': «Награх, quod affricto calefactum paleas et stipulas rapiat. Plin... qui ait esse succum arboris pini, rigore aut tempore autumnali concretum», т. е. «хищник, так как, нагреваясь от трения, он хватает отвейки и солому. Плиний... говорит, что это сосновая смола, затвердевшая от мороза и осеннего ненастья». Ср. перевод первого пояснения Плиния в Punktay sakimu par Kuniga K. Szyrwida, I, 183: Gintaras, kuris patrintas ir sukaitįs šiaudus ir pelus savįsp užkelia.

Особо стоят наименования янтаря в прибалтийско-финских языках. В финском meripihka и pihkakivi [1] — 'морская (древесная) смола' или 'смоляной камень'. В эстонском: merivaig [2] — тоже 'морская (древесная) смола'. Здесь тоже очевидно близкое знакомство с природой янтаря, понимание его происхождения. Отсюда можно заключить, что прибалтийские финны не заимствовали своего названия янтаря, а создали его, будучи добытчиками, ловцами янтаря. Однако лексически эти прибалтийско-финские обозначения янтаря не имеют ничего общего с венгро-балто-славянскими.

Итак, прозрачность внутренней формы наименования янтаря в венгерском ('сосновая смола'→'янтарь') противостоит полной «немотивированности», семантической бедности ярлыка на товаре в обозначении этого продукта в славянских и балтийских языках.

Формы gyenta и под. при gyentár и под. не могут быть объяснены, как утрата конечного *r* в венгерском (ср. заимствования: kaviár — 'икра', badár — 'бодрый', 'красивый', mámor — 'головная боль с похмелья', sajtar — 'ведро-подойник', kosár — 'кошара', 'овечий загон' и под.). Да и засвидетельствованы эти более «простые» формы даже раньше, чем «осложненные». Поэтому здесь можно видеть морфологическое чередование, свойственное языку-источнику этих слов.

Все это ведет к заключению, что венгерский язык мог быть посредником в передаче этого наименования балтийцам, а балтийцы передали его русским (северным русским племенам).

Если принять во внимание существование янтарного промысла на берегах Прибалтики и Беломорья еще в ту эпоху, когда ни о балтах, ни о славянах речи быть не могло, то надо предположить происхождение этого наименования из языка племен, заселявших эти края за тысячелетие или больше до появления славян новгородских и псковских, а также летьголы, латыголы, зимеголы, корси и прочих балтийских племен IX—XI вв.

Эти северноевропейские «поморы» могли соприкасаться в пределах северо-востока Европы с предками венгров, с угорскими племенами, до занятия последними своей теперешней родины (896 г.). А от угорских племен это слово торговыми путями (а может быть, и через непосредственное общение) могло попасть к прибалтийским племенам, обитавшим значительно дальше на Восток, чем теперь (однако не бывшим в своей предыстории «поморами» ни в Прибалтике, ни в Беломорье). Как известно, анализ лексических взаимоотношений финно-угорских и балтийских языков (работы В. Томсена, Я. Эндзелина) и анализ топонимики Прибалтики, Польши, Белоруссии (работы Биленштейна, Розвадовского, Кочубинского, Лер-Сплавинского, К. Буги, Фасмера) привели к выводу о распростра-

---

[1] См.: Suomalais-Saksalainen Sanakirja. Toimittanut Pekka Katara. Porvoo, 1925, s. 336—337.

[2] *Sell E., Seeberg-Elverfelt P.* Eesti-saksa Sõnaraamat. 2. Aufl. Tartu, 1938, s. 249.

нении финно-угорских племен дальше на юго-запад, чем теперь (и именно в Прибалтике), а также о более далеких восточных границах древних поселений балтийцев — вплоть до соприкосновения с финно-угорскими племенами [1].

Таким образом, можно считать мнение Мункачи о древности слов gyenta — gyentár и под. в венгерском правдоподобным, но вместе с Книежа следует отвергнуть предположение о русском происхождении этих венгерских слов.

Изложенная концепция не исключает возможности другой. Поскольку вполне ясных и неоспоримых свидетельств венгерского посредничества между северными «поморами» (не индоевропейцами и не финно-уграми) и прибалтами все же нет, можно предположить также, что и прибалты, и северные предки венгров заимствовали это наименование от древних «поморов» непосредственно и независимо друг от друга.

Венгерский язык мог лучше и полнее сохранить древнее заимствование в силу более длительных или более тесных связей, в силу двуязычности тех своих «гостей торговых», которые промышляли янтарем.

Более уверенно можно утверждать, что северо-руссы заимствовали слово *ентарь* у народов Прибалтики уже в историческую эпоху раннего феодализма. В пользу такого взгляда свидетельствует и обилие янтарных изделий в Прибалтике и на торговых путях из Прибалтики на Русь [2], и отсутствие в диалектах и старых памятниках письменности Белоруссии и Украины этого слова, проникновение его в эти восточно-славянские из великорусского, а в другие славянские языки из книжного русского языка. Наконец, фонетическое соотношение: gintāras (gentāras) — *ентарь*. Утрата начального *g* перед гласным переднего ряда свидетельствует о древности и народности заимствования (изустным, а не книжным путем). Такую же утрату начального *г* (все равно, из *g* взрывного или из *h* спирантного, так как в севернорусском произношении спирант если не исчезал, то замещался взрывным, ср. книжные: *герб*, *герцог*, *гетман*) мы знаем в древнерусских *Георгий* (позже *Егорий*, *Егор*) из Georgios, *Еродов* — иродов из Herod-, *Енъдрих* из Henrich, *Ермии* из Hērmes, *игемон* из hēgemon, более поздние народные заимствования: *енерал* из general, *еография* из geographia и под.[3].

Большой академический словарь литовского языка приводит из трех старых словарей, составленных в Прусской Литве (из сло-

---

[1] Ср. требующую дальнейшей разработки гипотезу Б. А. Серебренникова: *Серебренников Б. А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам.— «Труды АН Литовской ССР». Серия А. I, 1957, с. 69—72.

[2] Ср. богатый янтарными изделиями клад в с. Кончанском Новгородской области.

[3] Показательны и обратные «сверхнормальные» написания древних книжников: *генварь* — в «Мстиславовом евангелии» при *Іенуарь* — в «Остромировом евангелии», *гета* — в Изборнике 1073 г. при *иота* в «Остромировом евангелии» и под.

варей Руига 1747 г., Мильке 1800 г. и анонимного рукописного немецко-литовского словаря конца XVII в.), форму: jentãras — см. giñtaras. Так же это слово перепечатали из старших словарей Нессельман и Куршат (последние лексикографы Прусской Литвы). Казалось бы, это наиболее близкий к русскому литовский вариант [1]. Но свидетельства прибалтийских немцев, составителей этих старших словарей, не вполне достоверны, их фонетические данные при написании литовских слов не безупречны. В этом произношении jentãras вм. gentãras ясно сказалась закономерная замена начального *ge-* на *je-* — в речи прибалтийских немцев, т. е. мы имеем в этих старых словарях запись немецкого произношения литовского слова gentãras (или gintãras) [2]. Так как прусские (северо-западные) диалекты литовского языка не имели непосредственных связей с русскими ни в новое время, ни в средние века, ни в раннефеодальную эпоху, то, если бы даже кто и принял на веру запись Руига и автора рукописного словаря XVII в., этому противостояла бы достоверная форма центральных и восточных диалектов giñtãras, которая и была занесена по торговому пути через Псков и Новгород в Северную Русь.

Латышский язык точно так же подтверждает древность и первоначальность именно формы *giñtaras. Если предположить, что псковские и новгородские купцы перенесли в севернорусское наречие слово *ентарь* из Латвии, а не из Литвы, что наиболее вероятно в плане истории торговых связей, то время заимствования тем самым определилось бы еще более уверенно IX—X вв.: до перехода *gi-*, *ge-* в *dzi-*, *dze-*. Однако для доказательства такого утверждения нужны дополнительные данные из области лингвистической географии латышского и литовского языков, с одной стороны, и северо-западных русских диалектов — с другой, а также и уточнение вопроса о географии янтарного дела и о путях янтарного торга Прибалтики с Русью [3].

1959 г.

---

[1] См.: Lietuvių kalbos žodynas. T. IV. Vilnius, 1957, p. 340.

[2] См.: *Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, с. 285. «Подобное распределение *g*(γ) и *j* отмечено было и в прусских говорах: *j* перед передними гласными было характерно и для немецкого языка Прибалтики, напр.: jén-gehen, jiçt-Gicht, jαboγαn-gebogen...» См. еще 569.

[3] Лишь некоторое время спустя после сдачи этой заметки в издательство мне удалось прочесть статью проф. Миккола (J. *Mikkola*. Einiges über den eurasischen Bernsteinhandel), помещенную в журнале «Senatne un Māksla», I, Rīgā, 1938, s. 33—37, которого не оказалось в библиотеках Ленинграда и Вильнюса. Проф. Миккола, как и я, пришел к выводу, что литовско-латышское обозначение янтаря «не производит балтийского впечатления и, очевидно, перенято в очень раннюю пору из языка, на каком говорили продавцы янтаря» (с. 35). Далее он приводит ответы (на свой запрос) проф. Г. Геруллиса: «... по образованию слово стоит особняком, не говоря уж об отсутствии этимологической увязки с балтийскими языками. Короче, я считаю giñtaras, dziñtars, dzîtars — не балтийскими».

Самым важным и ценным мне представляется в статье проф. Миккола его указание на наличие этого слова в приволжско-финских языках: в черемисском